— Это известное средство, призванное согреть матку и избавить от задержек менструации. Господин Со попросил меня проследить за тем, чтобы вы регулярно его принимали, — объяснила госпожа Чхве.

Юри с недоверием приподняла бровь, но препарат всё же приняла.

С тех пор, как напившаяся художница разрыдалась перед Тхэджуном, прошло пять дней. Женщина корила себя за то, что позволила себе проболтаться любовнику о Ю Сокха и отце, ведь, во-первых, этот делец не имеет отношения к прежним бедам Юри, а во-вторых, он и сам подпортил жизнь возлюбленной, за что та его ненавидела. Кроме того, вместе «влюблённым по расчёту» оставалось провести всего около двух месяцев, и чем скорее Юри восстановит воспоминания, тем раньше сможет окончить навязанные отношения.

К счастью, Тхэджун не стал обсуждать случившееся. В тот день он по уши погряз в работе, домой вернулся поздно вечером, а уехал ранним утром. От размахивания листком договора и требования лечь с ним в постель господин Со тоже воздержался. Юри впервые ощущала такой покой с момента воссоединения, пусть любовника и не было рядом.

Проглотив препарат, Юри перешла в гостиную и включила телевизор. Её взгляд привлёк Себастьян, по которому нельзя было определить, живой он или просто украшение комнаты.

Юри задумалась, доволен ли пёс своей судьбой, а погрузившись глубже в раздумья, поймала себя на неспособности отличить свою жизненную ситуацию от участи чучела животного. Действительно, для Тхэджуна она — лишь вещь.

Горькое послевкусие препарата пробудило женщину от размышлений. Юри отвела взгляд от Себастьяна и переключила мысли на Ли Инбэ, коему предстояло появиться в телепередаче.

Последние несколько дней художница медленно, но верно собирала по кусочкам информацию о губернаторе после того, как узнала, что знакомый голос принадлежит одному из его прихвостней.

Этот политик стал живым воплощением поговорки «из грязи в князи». Родившийся в семье бедного фабричного рабочего Ли Инбэ не получил полноценного образования и вместо учёбы трудился на заводе. Несмотря на производственную травму, приковавшую его к креслу, будущий политик всё-таки сдал выпускные экзамены в старших классах, а сразу после выпуска принял решение выучиться на юриста и уже через год был назначен членом городского совета, самым молодым за всю историю Чонсона.

Вероятно, тогда и зародилось крайне успешное союзничество Ли Инбэ и президента Чина. Ли Инбэ дважды избирался на пост городского советника и конгрессмена, провёл два срока подряд на посту мэра, а ныне занимал пост губернатора провинции Кёнгидо и значился как самый влиятельный кандидат в президенты.

«Но зачем ему убивать меня?» — недоумевала Юри. Ей никак не удавалось установить логическую связь, а сведений, найденных в интернете, катастрофически не хватало.

«И что мне делать?» — гадала женщина, переключая каналы. Вдруг, настроившись на очередной канал, она чуть не выронила пульт от увиденного.

[Движение Ме Too* в сфере искусства: художник Ю Сокха обвиняется в сексуальном домогательстве] — высветилось в бегущей строке новостного блока.

П.п.: Ме Too (букв. «Я тоже») — общественное движение, выступающее против сексуального насилия.

Юри в шоке подскочила на ноги. На экране группа женщин разных возрастов обличали зверства всеми любимого Ю Сокха. Одна за другой женщины делились своими ужасными историями и то и дело срывались на плач.

Пострадавшие предстали перед выбором: высказаться о преступлениях творца или закрыть на них глаза. Каждая из них подвергалась угрозам, давлению и повержению в состояние беспомощности. Обыватель мог запросто упрекнуть выступающих женщин в неумении постоять за себя, однако лишь они сами знали, что боролись изо всех сил и в итоге потерпели унизительное поражение.

Вряд ли кто-то согласился бы по собственной воле прыгнуть в котёл кипящего масла. Женщинам оставалось либо влачить нищенское существование, либо отдать своё тело негодяю в обмен на крышу над головой. Тяжести ситуации добавлял и тот факт, что признания «безымянных» художниц не имеют веса на фоне заявлений почитаемого профессора.

«Как же так вышло?» — поражалась Юри.

В студенческие годы она и сама пробовала организовать протест Ме Too, но поддержки не обрела, поскольку такие же пострадавшие, как и Юри, слишком боялись выступить против господина Ю — не страшись они властного насильника, наверняка дали бы отпор, а даже если бы к Юри присоединились хотя бы одна или две единомышленницы, при влиятельности, коей располагал развратный профессор, долго продержаться им бы не удалось. Для девушек стало бы настоящим чудом довести дело до суда и при этом остаться живыми.

Существование спонсорства в обществе — факт широко известный и, так как подобные отношения имели место с незапамятных времён, дело Ю Сокха не казалось чем-то из ряда вон выходящим.

Волей-неволей кто-нибудь обязательно попадает в такую ситуацию. Тем более, когда встаёт вопрос о законности и порядочности богатых и знаменитых, общество зачастую отказывается поддержать пострадавших, а порой и обращается против них, что причиняет ещё больший вред, чем одни только домогательства.

«Из-за чего же сейчас такое оживление?» — удивлялась Юри.

В кадре новостной передачи появилась женщина средних лет, со стыдом опустившая голову. Она была действующим председателем Ассоциации изобразительных искусств и ректором соответствующей академии. Глава академии выражала глубочайшие сожаления об инциденте с профессором Ю, обещала предоставить компенсацию пострадавшим студенткам, а также подчёркивала, что впредь художественное сообщество будет предотвращать столь ужасающие происшествия.

Госпожа Чхве, наблюдавшая за телепередачей с тарелками фруктов и десертов в руках, испустила лёгкий удивлённый вздох.

— В чём дело? — спросила Юри.

— Она не очень-то любит появляться на телевидении. Что-то стряслось? Неприятности в академии?

— Вы её знаете?

— Разумеется. Это мать нашего директора, — пояснила домработница.

http://erolate.com/book/1101/28234